

**KNIGA VTORAYA.  
KLYUCHI SCHAST'YA.  
CHAST' TRET'YA**

Published @ 2017 Trieste Publishing Pty Ltd

ISBN 9780649386161

Kniga vtoraya. Klyuchi schast'ya. Chast' tret'ya by A. Verbitskaya

Except for use in any review, the reproduction or utilisation of this work in whole or in part in any form by any electronic, mechanical or other means, now known or hereafter invented, including xerography, photocopying and recording, or in any information storage or retrieval system, is forbidden without the permission of the publisher, Trieste Publishing Pty Ltd, PO Box 1576 Collingwood, Victoria 3066 Australia.

All rights reserved.

Edited by Trieste Publishing Pty Ltd.  
Cover @ 2017

This book is sold subject to the condition that it shall not, by way of trade or otherwise, be lent, re-sold, hired out, or otherwise circulated without the publisher's prior consent in any form or binding or cover other than that in which it is published and without a similar condition including this condition being imposed on the subsequent purchaser.

[www.triestepublishing.com](http://www.triestepublishing.com)

**A. VERBITSKAYA**

**KNIGA VTORAYA.  
KLYUCHI SCHAST'YA.  
CHAST' TRET'YA**



КНИГА ВТОРАЯ.

Издание второе.

bitskaja, Anastasija

Ključy schastija

КЛЮЧИ СЧАСТЬЯ.

кн. 2

Часть третья.

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРАЯ ТЫСЯЧА

„Радость хочеть близости, встать  
идеи... Хочеть спящей полуплечи,  
хочеть гробов... Хочеть котильника  
слезь утешения, хочеть позлащенной  
всехней зари... Чего только не хочеть  
радость? Она жадна, алчна, уязвима,  
танцевательна всякой скорби, Она ро-  
диль себя... Хочеть глубокой, глубокой  
вниманья“...

Ничего.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ

А. ВЕРБИЦКОЙ.



PG

3470

V<sub>4</sub> K<sub>4</sub>

1910

kn. 2



## I.

Душа Мани сейчас подобна рѣкѣ, скованной морозомъ.

Свѣжняя пелена скоропила алое золото солища, синее золото мѣсяца, рябь вѣтерка. Мертва пустынная гладь. Только глубоко внизу тяжело и загадочно идетъ вода. Какъ бы дремлетъ. И ждетъ зова весны. Торжествующаго зова жизни.

По цѣлымъ днямъ въ странномъ оцѣненѣннн лежить Маня въ бесѣдкѣ съ книгой. Но не читаетъ. Закрывъ глаза, она глядитъ въ свою душу, скованную первой скорбью. И упорно и бессознательно ждетъ, когда весна позоветъ ее къ радости и творчеству.

Штейнбаха нѣтъ. Давно миудулъ обѣщанный срокъ. Когда онъ уѣзжалъ, цвѣли розы. Теперь золото осени загорѣлось на деревьяхъ. Подъ ногой покорно умираетъ листь... Вечера стали свѣжѣе. Дни короче...

И прошло двадцать дней... Томительныхъ и пустыхъ, какъ проселочная дорога. И въ каждомъ днѣ было двѣнадцать часовъ ожиданія. Напряженнаго и остраго до боли... Каждое утро загорались мечты. И гасли съ зарею. Надежды; взглянувъ въ ся душу блѣдными очами, умирали безмолвно. И воспоминанія одно за другимъ падали въ жадную бездну забвенія. И гибли.

Желанія рождались въ крови. Зажигали се мучительной истомой. Раскидывали по подушкамъ смуглыя руки. Обжигали щеки. Исторгали жаркя слезы. Навѣвали сны, отъ которыхъ такъ тяжело было оторваться. Потомъ умирали, какъ угли подъ золой. И было послѣ нихъ такъ холодно!.. Такъ холодно было послѣ нихъ...

Она устала глядѣть на дорогу. Она устала ждать...

Что это было между ними?

Да и было ли что? Растаяло, какъ сны. Какъ это облачко въ гаснущемъ небѣ.

Теперь она устала жить. Холодъ безразличія желѣзнымъ объятіемъ сковалъ ея душу.

Развѣ она страдала? Развѣ она любила?.. Каждый уходящій часъ уносилъ что-то изъ ея души. Частицу ея юности. Жизни...

Она не вспоминаетъ прошлое.

Она не глядитъ въ будущее.

Она дремлетъ.

— Маня... ау!.. Маня...

Это Соня зоветъ. Но у Мани нѣтъ энергіи, чтобъ откликнуться.

Соня вбѣгаетъ въ бесѣдку. У самаго входа плакучая береза опустила зеленныя руки. Она никого не пускаетъ. Она цѣпляетъ всѣхъ за волосы длинной вѣткой. Нетерпѣливо отстраняетъ ее Соня. У нея таинственные глаза и странная улыбка.

— Маня, иди скорѣй!— взволнованно говоритъ она и дѣлаетъ непривычныя жесты.— Знаешь, кто пріѣхалъ? Ты не повѣришь... Тотъ всадникъ... Помнишь? Два года назадъ мы его видѣли на левадѣ... Онъ самый... И представь себѣ только!.. Вѣдь это и есть Нелидовъ!

Маня садится, откидываетъ со лба темный локонъ. Потухшіе глаза загораются. Сердце стукнуло и замерло.

Не сонъ?.. Жизнь?.. И опять радость? Опять?

Она встаетъ.

И въ этихъ огромныхъ, вчера еще пустыхъ глазахъ Соня видитъ просыпающуюся дуну. Загадочную душу женщины.

Взявшіеся за руки, онѣ бѣгутъ.

Вотъ терраса... За самоваромъ Вѣра Филипповна, нарядная и сіяющая. Дядюшка утопаетъ въ снегъ дымѣ сигары... И еще кто-то... Сильныя плечи. Чужой голосъ. Какой-то ясный, почти дѣтскій смѣхъ.

Маня дѣлаетъ знакъ Сонѣ. Онѣ прячутся за старую липу.

— Ну, да... Теперь все понятно!— радостно говоритъ Вѣра Филипповна.— А ужъ мы не знали, что думать... Вася, слышишь?— оборачивается она въ Горленко, который только что вернулся съ поля.— Николай Юрьевичъ наслѣдство получилъ... Два раза ѣздилъ въ Петербургъ... Пробылъ тамъ мѣсяць...

— Да неужто?.. И много?

— Пустяки, въ сущности... Но въ данную минуту для насъ эти деньги... Вы сами понимаете...

Онъ всталъ. Высокій, стройный. Манѣ видны его плечи, кудрявые бѣлокурые волосы, гордый профиль.



Онъ жметъ руку хозяина.

— Какъ не понять! Кому не нужны деньги? Поздравляю!

— А что интереснаго въ Петербургѣ?—задумчиво спрашиваетъ дядюшка.

Нелидовъ оборачивается. И дѣвушки видятъ его лицо. Тонкое, породистое, съ маленькой русой бородкой, высокій лобъ. Онъ кажется ярко-бѣлымъ отъ загара, покрывшаго худыя щеки.

— Ну, знаете ли? Будь я въ Кинешмѣ, она дала бы мнѣ не болѣе чѣмъ столица... Я цѣлые дни рыскалъ, какъ гончая, со всеѣми этими формальностями и хлопотами... Это въ самую-то горячую пору полевыхъ работъ!

Онъ смѣется. Зубы у него мелкіе, ровные, бѣлые.

— Какая красивая улыбка!—шепчетъ Соня.

Да. Это она... кѣмъ полны были дѣвнчьи грезы... кто далъ ей первыя бурныя слезы еще несознаннаго желанія. Первый, могучій, незабываемый порывъ.

Она не слушаетъ слова. Лишь звуки голоса и смѣха. Она глядитъ, какъ бы вбирая въ себя его движенія, поворотъ головы, эти трепетныя, тонкія ноздри, жесты маленькихъ породистыхъ рукъ... Какъ онъ непохожъ на другихъ! Ни на кого непохожъ... Но черезъ гряду ушедшихъ забытыхъ дней она смотритъ въ одну яркую точку. Въ лицо ангела съ неумолимымъ взглядомъ, для котораго горѣло и билось сердце ребенка.

Конечно, онъ не такъ прекрасенъ, какъ этотъ мечтатель небесъ. И похожъ на него только профилемъ. Что до того?.. Его одного она ждала эти годы... Все сбылось. Все...

— Маня, Соня... Идите же!—кричитъ Вѣра Филипповна, разглядѣвъ бѣлѣющія въ паркѣ платья.

Нелидовъ что-то рассказываетъ дядюшкѣ, пока дѣвушки поднимаются по ступенькамъ.

Вдругъ онъ видитъ лицо Мани, выраженіе ея глазъ, широко открытыхъ, въ экстазѣ и какъ бы въ ужасѣ. Впивающійся въ него жадный и зовущій взглядъ. Онъ внезапно смолкаетъ. И медленно встаетъ.

— Моя дочь... Маня Ельцова, ея подруга.

Не сгибая головы и стана, онъ беретъ руки дѣвушекъ и поднимаетъ къ своимъ губамъ. Сухой, небрежный поцѣлуй. Привычный обрядъ, который не замѣчаешь даже. Но Маня отъ неожиданности вздрагиваетъ всеѣмъ тѣломъ. И онъ это видитъ.

И волна, жуткая и темная, внезапно заливаешь его мозгъ.

Тщегно силится Нелидовъ овладѣть собой. Какъ хорошо, что

дядюшка встрепенулся, наконецъ, и что-то черпаетъ изъ неизсякаемаго колодца своихъ воспоминаній!.. Теперь можно молчать...

Что это случилось сейчасъ?.. Отчего такъ стучить сердце?.. До боли... Словно отъ испуга... «Я навѣрно поблѣднѣлъ». Но кто же она? Эта дѣвушка съ глазами, какъ звѣзды? И чего хотятъ отъ него эти удивительные глаза?

Онъ боится поднять рѣсницы. Онъ чувствуетъ на себѣ тотъ же алчный, зовущій взглядъ. Сою онъ не замѣчаетъ.

Выпивъ свою чашку, Маня спускается внизъ. Она садится тутъ же, на ступенькѣ, въ полуоборотъ къ гостю. Она глядитъ въ садъ, въ небо. Но не видитъ заката. Она даже не слушаетъ разговоровъ. Она вся во власти своихъ ощущеній.

На яркомъ фонѣ неба четко видны ея длинныя рѣсницы... «Цѣлый лѣтъ рѣсницъ», думаетъ Нелидовъ. Онъ смотритъ на ея горячую смуглую щеку, неправильную линію профиля, на яркія губы, похожія на цвѣтокъ. Растрепанныя темныя кудри кажутся сейчасъ въ лучахъ заката рыжими. Какъ ореоль сіяютъ онѣ вокругъ маленькой головки. А сама—стройная, гибкая и сильная, какъ молодая березка... Съ растущимъ волненіемъ глядитъ онъ на ея роскошную косу, на узкую спину въ свѣтлой блузкѣ, на нервно вздрагивающія плечи...

Темный вихрь взмываетъ со дна его души. Вихрь таинственный и страшный. Онъ спираетъ дыханіе, ускоряетъ темпъ сердца, зажигаетъ кровь невыносимымъ желаніемъ...

Почему?.. Ни разу, даже въ годы требовательной и жадной юности, не зналъ онъ такого жгучаго желанія, какое будитъ въ немъ сейчасъ одинъ взглядъ на эти стрѣлы рѣсницъ, на эти яркія губы, на эти вздрагивающія плечи въ бѣлой блузкѣ.

Онъ не хочетъ быть смѣшнымъ. Онъ боится, что замѣтятъ его волненіе. И десятками лѣтъ воспитанія привитая, въ кровь и плоть вошедшая выдержка не измѣняетъ ему на этотъ разъ. Онъ отвѣчаетъ не всегда кстати. И смѣется невпопадъ. Но разговора не бросаетъ. Какъ хорошо, что дядюшка принадлежитъ къ типу «разсказчиковъ», которыхъ не нужно занимать!

Онъ встаетъ. Его радушно удерживаютъ поужинать. Онъ благодаритъ и отказывается.

— Мамá волнуется, когда я запаздываю. Она и сейчасъ еще не оправилась отъ удара...

— Ахъ, въ такомъ случаѣ... Конечно... Но въ воскресенье пріѣзжайте къ обѣду. Непремѣнно... Пріѣдете?

— Благодарю васъ... Постараюсь...—разсѣянно отвѣчаетъ онъ, пожимая всѣмъ руки, наскоро цѣлуя пальцы хозяйки и Сони.

Вотъ онъ передъ Маней. Она встаетъ. И онъ внезапно блѣднѣетъ отъ вполне сознанныаго уже могучаго влеченія.

Они взглядываютъ въ зрачки другъ другу. Нѣтъ... Въ душу. Прямо въ душу глядятъ ему эти жадные, зовущіе глаза... Они говорятъ: «Я ждала тебя всю жизнь. Одного тебя»...

И его жесткій, темный взглядъ откѣчаетъ:

«Ты будешь моею. Я такъ хочу».

Какъ власть имѣющій, онъ беретъ на этотъ разъ ея покорную ручку и подносить ее къ губамъ.

И теперь его губы горячи. И поцѣлуй полонъ значенія.

Гнѣдая красавица лошади тихопоко ржетъ, оборачивая къ хозяину тонкую голову. Петро почтительно водить ее по двору.

Всѣ высыпали на крыльцо. Нелидовъ вскочилъ въ сѣдло. Онъ словно слился въ одно съ лошадыю.

Дядюшка съ восторгомъ и завистью глядитъ на него. Ахъ, въ свое время и онъ на лошади былъ картиной! Если-бъ не нога...

— До свиданія!—кричатъ ему вслѣдъ.

Маня молчитъ, прижавъ руку къ груди.

Вдали по дорогѣ еще звучитъ ритмъ галопа. И сливается съ бурнымъ темпомъ ея сердца.

— Отъ-то панничъ!—восторженно говорятъ Горленко.

— Д-да... Порода сказывается, — задумчиво соглашается дядюшка.

Онъ не можетъ забыть покроя новаго костюма Нелидова. И какъ онъ его умѣетъ носить! Дядюшка угнетенъ. Онъ чувствуетъ себя провинциаломъ. Онъ чувствуетъ себя старымъ.

Маня повернулась и идетъ въ паркъ.

Все было ложью. Все было сномъ до этого дня, до этой встрѣчи. Она не любила. Она не жила.

Развѣ было что-нибудь?.. Пусть канетъ въ бездну!.. Ненужныя страданія... Жалкія слезы... Правда только въ радости, что затопила ея душу свѣтлой волной... что зажгла огни и разогнала мракъ кругомъ... Правда лишь въ томъ, что сказали они другъ другу глазами тамъ, сейчасъ, на крыльцѣ...

## II.

У дядюшки таинственное лицо. Отъ часу до трехъ въ его флигель приходитъ Роза. Волнуясь и шагая въ мягкихъ